

Глава 41

Инь Чжоу в замешательстве обернулся:

— Что? В чём дело?

— У тебя что, совсем нет здравого смысла? — приглушённым от напряжения голосом спросил Гу Цинсю.

Инь Чжоу лишь вопросительно вскинул бровь.

— ...

Взгляд Гу Цинсю сменился с сурового на почти обречённый. Так и не выпуская запястья партнёра, он поднял голову и обратился к Сяо Ян, которая в растерянности застыла неподалёку:

— У тебя есть успокаивающий пластырь?

Ассистентка, до этого занятая вещами, пропустила странные манипуляции юноши и обернулась только на голос. Увидев помрачневшего актёра, она решила, что между ними вспыхнула ссора, и на чистом рефлексе выхватила нужный блистер:

— Да, конечно.

Гу Цинсю принял пластырь и наконец отпустил руку Инь Чжоу. Ловким, отточенным движением он сорвал защитный слой и прилепил его прямо поверх железы.

— Тц... — Инь Чжоу невольно вскрикнул. Он уже собирался возмутиться, но внезапная прохлада мгновенно умирала зуд. От резкого столкновения жара и холода железа несколько раз болезненно и одновременно сладко пульсировала. Это было и мучительно, и невыносимо приятно.

— Блаженство.

Гу Цинсю лишь тяжело вздохнул. Скомкав упаковку в кулаке, он протянул её девушке:

— Будь добра, выброси. Спасибо.

— А... да, не за что, — пролепетала та, принимая мусор. Ей почему-то показалось, что Гу Цинсю вложил в это простое действие слишком много подавленной ярости.

Сяо Ян украдкой взглянула на Инь Чжоу: тот с умиротворённым видом растянулся на полу, а Гу Цинсю замер над ним, не сводя с него странного, трудночитаемого взгляда.

«Что здесь вообще происходит?»

Впрочем, раздумывать было некогда. Линь Юймин уже подавал команды:

— Так, всем посторонним покинуть площадку. Начинаем через две минуты.

— Рано. Подожди ещё. Инь Чжоу потянулся было к шее, чтобы снять успокаивающий пластырь, но Гу Цинсю снова перехватил его руку.

— Рано. Подожди ещё.

— Да не нужно, мне уже гораздо лучше, — Инь Чжоу обернулся через плечо.

Гу Цинсю, не слушая возражений, силой прижал его ладонь к полу.

— Ты хоть понимаешь, что натворил? Ты всю железу себе... исципал, на ней живого места нет. В кадре это будет выглядеть кошмарно. Лежи и жди, пока краснота не спадёт.

Юноша не ожидал, что его мимолётное желание унять зуд оставит такие заметные следы.

— Ну... ладно. А долго ждать? Я же не знал, что кожа такая нежная.

Если бы он предвидел последствия, то ни за что бы не стал этого делать. Вдруг из-за него сорвутся съёмки?

Он нахмурился, обдумывая ситуацию.

— Слушай, сфотографируй мою шею, я сам посмотрю. А, хотя нет, Сяо Ян уже ушла. Учитель Гу, гляньте сами: сильно заметно? Как быстро это пройдёт?

Гу Цинсю промолчал, лишь на его предплечье едва заметно дёрнулась жилка. Весь персонал уже был в полной готовности, и некоторые сотрудники с любопытством поглядывали в их сторону.

В конце концов Гу Цинсю не выдержал. Осторожно подцепив край голубого пластыря, он приподнял его.

Своим телом он загородил партнёра от лишних взглядов, так что со стороны была видна лишь полоска успокаивающего пластыря на шее Инь Чжоу.

Под прозрачным слоем основного пластыря для железы плоть выглядела гладкой, без признаков аллергии или сыпи. Однако от недавних манипуляций она стала ярко-алой, и на ней отчётливо виднелись несколько бледно-розовых полос — следы, оставленные собственным владельцем.

Несмотря на то, что это была железа альфы, её регенеративные способности впечатляли. Омegi, которых помечали ежемесячно, восстанавливались за пять дней, даже если их кожа была прокушена до крови.

Гу Цинсю невольно засмотрелся. Интересно, у альфы этот процесс идёт быстрее или медленнее? Ведь их железы изначально не предназначены для меток.

Эта мысль заставила его взглянуть пристальнее. На глазах пунцовые пятна начали бледнеть. Прошло не более полуминуты, а кожа почти вернулась в нормальное состояние.

«Восстанавливается на удивление быстро», — отметил про себя он.

Инь Чжоу, не дождавшись ответа, решил, что дело плохо. Опасаясь задержки съёмок, он на ощупь накрыл железу пальцами и принялся осторожно растирать её подушечками, надеясь разогнать кровь.

— Ну что там? — с тревогой спросил он. — Стоит сказать режиссёру, чтобы подождал?

Задумавшийся Гу Цинсю не успел его остановить. Он лишь заворожённо наблюдал, как пальцы Инь Чжоу мягко надавливают на податливую плоть.

На ощупь железа отличалась от мышц — она напоминала упругое, плотное желе под тонкой кожей. При нажатии казалось, что её структура внутри перекачивается и смещается.

Сочная и спелая, словно водянистый персик, она вызвала почти непреодолимое желание... вонзить в неё зубы.

Гу Цинсю резко выдохнул, осознав, насколько это неправильно.

Железа альфы не должна быть такой. Он, в отличие от своего партнёра, обладал отличным «здоровым смыслом» и прекрасно знал физиологию АВО. Только у омег железы пребывают в таком состоянии — состоянии, идеально подготовленном для метки альфы.

Инь Чжоу был альфой, но его железа стала пугающе «уязвимой». Очевидно, он всё ещё

находился в состоянии аномальной чувствительности.

А этот безумец даже не отдавал себе в этом отчёта!

Гу Цинсю в очередной раз перехватил его запястье.

— Перестань. Всё уже прошло.

— Да? Ну и славно. Значит, помогло, если помассировать?

— ...Нет. Это не из-за твоего массажа. Она сама восстановилась.

Инь Чжоу моргнул:

— Вот как. Что же вы сразу не сказали.

Собеседник едва не рассмеялся от возмущения. Этот человек ещё и его виноватым выставил! Как он вообще дожил до своих лет с такой беспечностью?

Он решил не продолжать спор и спросил напрямую:

— Твой период восприимчивости скоро? Сколько дней осталось?

— Э-э... к чему такие вопросы? Дай подумать... Дней десять, наверное.

Десять дней? Не может быть. Судя по состоянию железы, счёт шёл на дни, если не на часы. Организм мог сорваться в любой момент.

Гу Цинсю окончательно смирился с тем, что Инь Чжоу совершенно не разбирается в биологии собственного вида. Сейчас было не время и не место объяснять нюансы, поэтому он лишь предостерег:

— Скорее всего, он наступит раньше. Будь начеку. При твоём синдроме расстройства феромонов и в преддверии периода восприимчивости лучше вообще не прикасаться к железе, иначе потом будет невыносимо. И ещё...

— И ещё что? — Инь Чжоу слушал его с нарастающим недоумением. Учитель Гу внезапно стал каким-то странным.

Гу Цинсю поколебался. Персонал стоял слишком близко и мог услышать лишнее.

— Просто не трогай её, если не хочешь мучиться, — туманно закончил он.

— ...Ясно.

Юноша интуитивно чувствовал, что Гу Цинсю хотел сказать не это, но к ним уже подошёл Линь Юймин.

Гу Цинсю машинально спрятал использованный успокаивающий пластырь под нагрудную пластину своего доспеха.

— Ну что, готовы? Начнём с реплики Силин Суфэна, чтобы Инь Чжоу было проще войти в ритм диалога.

Гу Цинсю лишь кивнул. Он был готов, вопрос был в Инь Чжоу.

Тот прислушался к своим ощущениям. Зуд отступил.

— Да, я готов.

Режиссёр удовлетворённо кивнул и вернулся к мониторам.

Инь Чжоу принял исходную позу, и Гу Цинсю снова прижал его к полу. Пальцы альфы коснулись края пластыря для железы юноши; кожа в этом месте всё ещё хранила приятную прохладу.

— Сейчас я буду действовать по сценарию, — вполголоса предупредил он. — Соберись. Постараемся обойтись одним дублем.

Инь Чжоу, прекрасно помня содержание сцены, коротко ответил:

— Понял.

Оба отбросили лишние мысли, закрыли глаза, настраиваясь на нужную волну.

Постепенно эмоции взяли верх. Дыхание Инь Чжоу стало прерывистым, а Гу Цинсю позволил своим пальцам скользнуть по его шее, словно пытаясь согреть эту холодную кожу.

Юноша замер. Знакомое чувство подавления, которому он был обязан подчиниться, вернулось, но на этот раз он умело держал свои инстинкты в узде.

— Начали! — скомандовал Линь Юймин.

Взгляд Силин Суфэна потемнел. Его прикосновения утратили остатки нежности. Большой палец с силой вдавил кожу возле железы, оставляя за собой бледно-розовый след.

Генерал перевёл взор со своих пальцев на шею пленника. В его голосе прозвучало непривычное, тёмное вожделение:

— Принимал меня за бету? Боюсь, мне придётся тебя разочаровать. Ты говорил, что не желаешь быть помеченным незнакомым альфой? И что теперь? Неужели ты всё ещё думаешь, что в силах мне отказать?

Плечи Ло Цяня дрогнули. Он попытался вырваться, но хватка альфы была непоколебимой. Внезапное осознание опасности лишило его остатков самообладания. Он беспомощно метался на полу, загнанный в ловушку.

Лишь с третьей попытки ему удалось выдавить из себя хоть звук. Он отчаянно пытался отстраниться, его губы дрожали, шепча в страхе и мольбе:

— Ген... Генерал...

Силин Суфэн всегда слыл человеком с каменным сердцем. В обычное время он был бесстрастен, но в делах службы становился и вовсе неумолим. Даже если бы омега разделся перед ним донага, он бы и бровью не повёл.

Но сейчас этот юноша, который всегда был столь непоколебим и горд, вдруг проявил слабость. Глядя в его пустые, полные отчаяния глаза, Силин Суфэн на миг дрогнул.

Но это секундное замешательство быстро прошло. Взяв себя в руки, он жёстко спросил:

— Что, страшно стало?

Ло Цянь часто заморгал, пытаясь вернуть себе ясность мысли.

— Я... я не боюсь.

Его голос сорвался на последнем слове, выдавая его с головой.

Генерал невольно усмехнулся:

— Вот как? Твои феромоны говорят об обратном.

С этими словами его палец начал медленно смещаться в сторону самой железы.

Ло Цянь больше не мог этого выносить. Его феромоны, подобно внезапному шторму, окутали обоих. Тело юноши сотрясала крупная дрожь — неуправляемая, инстинктивная реакция, которая буквально кричала альфе: «Скорее, пометь меня... Пожалуйста...»

Он почти лишился рассудка. Ему оставалось лишь до боли прижать тыльную сторону ладони к губам, чтобы заглушить постыдные звуки, рвущиеся из груди.

Силин Суфэн на мгновение зажмурился. Он сделал судорожный вдох, впитывая сладкий аромат омеги, и резко отвёл руку.

Слишком высокая совместимость феромонов делала эту игру почти невыносимой...

Там, где Ло Цянь не мог его видеть, на лбу генерала проступили крупные капли пота.

До слуха юноши, балансирующего на грани обморока, донёлся голос Силин Суфэна:

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Ты пришёл ко мне намеренно? Кто ты такой на самом деле?

Ло Цяню потребовалось немало времени, чтобы осознать смысл этих слов. Состояние изнурило его, лишив сил к сопротивлению. Последние крохи гордости таяли, он уже чувствовал горячее дыхание альфы у своего уха и смирился с неизбежной участью.

Но о чём говорит генерал?

Зачем спрашивать об этом сейчас?

К счастью, этот вопрос напомнил ему о долге. Он до боли впился ногтями в ладони и выдохнул:

— Я... я действительно намеренно украл ваш жетон. Можно сказать, я пришёл ради вас.

— И кто же ты? Не пытайся убедить меня, что ты обычный омега. Тот, кто способен обворовать меня и остаться незамеченным, по определению не может быть заурядным.

Голос Силин Суфэна звучал холодно и беспощадно, словно приговор судьбы.

Ло Цянь вспомнил своё истинное происхождение, своё прошлое.

Он в отчаянии зажмурился:

— Я действительно не совсем обычный омега. Где вы видели омегу, способного в одиночку так долго выживать в скитаниях? Если бы я был никчёмным, я бы не дожился до этого дня. И именно потому, что я хочу жить, генерал... Я знал, что вы заподозрите неладное, но всё равно пошёл на это. Потому что... потому что я хотел выгрызть себе право на жизнь.

Его речь была сбивчивой, но суть ясна. Силин Суфэн прищурился:

— Вот как. Интересно, сколько испытаний тебе пришлось пройти и чьей помощью воспользоваться, чтобы так ловко обучиться всем этим фокусам.

Разум Ло Цяня работал медленно. Он понимал подтекст: его появление в резиденции стало возможным лишь благодаря тому, что он использовал Цзинь Чжана, чтобы предстать перед генералом и заключить сделку.

Он обещал снабжать Силин Суфэна сведениями, а взамен, прикрываясь своей мнимой беззащитностью и страхом перед преследователями, просил убежища.

Так он попал в этот дом.

Тогда генерал согласился. Но только сейчас Ло Цянь понял: тот ни на йоту ему не поверил.

— Вы хотите устроить мне допрос? Я отвечу на всё, что вы пожелаете. Я буду... предельно откровенен. Но... Но не могли бы вы сначала нанести мазь? Я сейчас просто... не в состоянии отвечать...

Глаза Ло Цяня затуманились влагой. Когда альфа говорил, его дыхание обжигало ухо. Юноша чувствовал эту близость, но не смел к ней прильнуть.

Если во время течки омега не получает метки и не принимает мер, его состояние становится мучительным. Каждая мышца ноет, кости словно плавятся, а по венам будто бегут миллионы огненных муравьёв.

Но страшнее всего — этот всепоглощающий пожар желания, который может длиться три дня и три ночи, сводя с ума, толкая в бездну отчаяния.

Ни один омега не в силах вынести подобного.

Лицо юноши пылало от страсти, он обмяк перед генералом, словно воск, но тот лишь холодно бросил:

— С чего это я должен прекращать? Разве для ответов на мои вопросы тебе нужен ясный ум?

— Вы... вы решили попытать меня таким образом? Это... это и был ваш план? — Ло Цянь не мог поверить своим ушам.

— Вовсе нет. Просто так удачно совпало. Ты твердил, что ищешь защиты в моём доме, но зачем же было действовать так неосмотрительно? Нарочно столкнуться с Цзинь Чжаном на глазах у всех — это ли не лучший способ выдать себя врагам? Но при этом ты утверждаешь, что бежишь от преследователей. Что ж, если не хочешь говорить правду — терпи. Не надейся на мою жалость, для меня ты всего лишь безродный омега с сомнительным прошлым.

Говоря это, Силин Суфэн внешне бесстрастно убрал руку с шеи юноши, намереваясь прижать его за спину, чтобы больше не касаться кожи и не чувствовать дурманящего запаха.

Но не успел он сменить позу, как Ло Цянь, тяжело дыша, в порыве чувств резко вскинулся и схватил генерала за воротник.

— Да потому что среди тех, кто гнался за мной, были ИМЕННО ОНИ! Я уже был раскрыт!

Яркое, почти прекрасное в своём гневе лицо оказалось в опасной близости от Силин Суфэна. Феромоны вырвались наружу с новой силой. Зрачки альфы сузились, он на мгновение опешил. Видя, что Ло Цянь теряет равновесие, он подхватил его, обхватив за талию и прижимая к себе.

В этот миг Ло Цяня душила обида на жестокость и невыносимый зов плоти. Сдерживаемые доселе эмоции вырвались наружу, на краткий миг заглушив густую страсть.

Он даже не заметил, в какой позе они оказались.

— Вы можете подозревать меня в чём угодно, но не смейте думать, что я в сговоре с теми работоторговцами! Я мог бы сбежать оттуда один, но я рискнул всем, чтобы передать весть вашим людям и спасти остальных! Вы считаете меня мастером, но я всего лишь человек! Я совершил ошибку, когда связывался с вашими подчинёнными, и меня вычислили. Та встреча с заместителем генерала Цзинь Чжаном на улице была моим планом, потому что я знал его маршрут, но преследователи дышали мне в затылок на самом деле!

В его затуманенных желанием глазах сейчас пылал праведный гнев. Омытые слезами, они сверкали, словно лепестки пылающей розы.

И этот свет обжигал Силин Суфэна.

— Таков мой ответ. Верьте или нет — дело ваше. Но я и представить не мог, что генерал Силин уподобится тем подонкам и станет использовать такие методы против омеги. Вы альфа, и потому считаете, что вправе распоряжаться чужим состоянием? Если я вам здесь не нужен —

отлично. Среди тех, кого схватил Цзинь Чжан, есть один человек из той организации. Считайте это моим прощальным даром. Я ухожу прямо сейчас!

Выпалив всё это, он окончательно выбился из сил. Его грудь ходила ходуном, а воздух вокруг пропитался сладким и жарким ароматом феромонов, который буквально вливался в горло альфы.

Кадык Силин Суфэна дёрнулся. Они были так близко, что делили одно дыхание на двоих.

Несмотря на эту тираду, генерал молчал, лишь пристально вглядываясь в его лицо.

Ло Цянь начал постепенно остывать. Внезапно он осознал, что альфа крепко держит его в своих объятиях. Ярость, поддерживавшая в нём силы, испарилась, и тело его снова обмякло.

Если бы не поддержка Силин Суфэна, он бы просто рухнул на пол.

Они замерли, глядя друг на друга. Ло Цянь почти полностью навалился на руку альфы, находя в этой силе спасение.

Он только что бросал обвинения и собирался уйти, но в объятиях противника превратился в бесформенную лужицу. Губы твердили о расставании, но феромоны продолжали взывать к слиянию, обнажая сокровенное желание.

Словно два магнита, которые неудержимо тянутся друг к другу, но насильно удерживаются на расстоянии.

Взгляд омеги метался, он мертвой хваткой вцепился в одежды генерала и первым отвернулся, не в силах выносить этой близости.

Он не увидел, как в момент его капитуляции Силин Суфэн тоже незаметно облегчённо выдохнул.

— Отпустите меня. Я покину резиденцию генерала.

Всё ещё пытается храбриться.

Генерал покачал головой, и на его суровом лице наконец проступила тень мягкости:

— Раз уж мы всё прояснили, оставайся.

Он больше не стал мучить юношу. Лишь слегка надавил на поясницу, и омега послушно

уткнулся ему в грудь.

Магниты наконец с тихим щелчком соединились.

Ло Цянь, окончательно лишившись сил, больше не пытался вырваться. Он замер в объятиях альфы, позволяя тому делать всё, что угодно.

Силин Суфэн наконец взял со стола заранее приготовленное снадобье. Зачерпнув пальцем немного мази, он потянул за край воротника пленника.

Нежная, манящая железа оказалась прямо перед ним. Взгляд генерала потяжелел. Он начал наносить густую смесь трав на кожу.

Состав мази был крайне едким. Как только лекарство коснулось шеи, Инь Чжоу почувствовал, как его персонаж невольно вскрикнул и ещё сильнее прижался к груди партнёра, ища защиты от этой боли.

Гу Цинсю на миг замер. Он ощущал в своих руках лишь податливое, мягкое тело.

Обнимать такую «тёплую яшму» было настоящим испытанием.

Пытаясь отвлечься, Гу Цинсю сосредоточился на мази. Он знал подобные рецепты — их принцип был прост. В основу входили экстракты глубоководных рыб и жидкость желез некоторых животных.

Эта смесь вызывала сильное раздражение и боль, которые должны были заглушить все остальные ощущения. Метод был грубым, но действенным, а ингредиенты — редкими и дорогими.

В этот момент камера снимала затылок Инь Чжоу крупным планом. Свет был выставлен идеально: под ним тончайший пластырь для желез стал абсолютно невидимым.

Гу Цинсю наносил мазь едва уловимыми, нежными движениями. Он почти не касался кожи, едва ощутимо проводя по ней пальцами.

После пары таких касаний он вдруг почувствовал, как рука юноши, спрятанная от камер, скользнула под его доспех.

Гу Цинсю замер.

Вне зоны видимости объективов, в узком пространстве между их телами, пальцы Инь Чжоу

нащупали край нагрудника и пробрались внутрь.

На актёре была надета лёгкая броня, которая не прилегала плотно к телу. Пальцы Инь Чжоу скользнули по его талии и уверенно легли на кубики пресса.

Мышцы под кожей мгновенно одеревенели.

Гу Цинсю не мог помешать ему — обе его руки были в кадре, любое лишнее движение испортило бы дубль. Ему оставалось только продолжать игру.

Инь Чжоу вовсе не собирался пакостить. Скрытый одеждой и доспехом партнёра, он быстро начертил на его животе иероглифы:

«СИЛЬНЕЕ».

Гу Цинсю:

— ...

Инь Чжоу даже не думал выходить из образа Ло Цяня. Он продолжал время от времени вздрагивать всем телом, изображая «муку». Видя, что Гу Цинсю медлит, он вывел ещё одно слово:

«ЗУДИТ».

Гу Цинсю едва не расхохотался от нелепости ситуации.

Железа этого парня снова начала чесаться, и он требовал, чтобы партнёр почесал её под видом нанесения мази.

Бог знает, когда начался этот зуд. Если бы Инь Чжоу мог терпеть, он бы дождался конца сцены. Должно быть, это было невыносимо.

Сцена подходила к концу, и нужно было во что бы то ни стало довести её до финала без запинок.

Гу Цинсю на миг прикрыл глаза, меняя настрой.

В кадре выражение лица Силян Суфэна сменилось с отрешённого на предельно сосредоточенное. словно желая, чтобы лекарство лучше впиталось, он начал втирать его в затылок Ло Цяня круговыми движениями.

В сценарии это описывалось одной короткой фразой, но сейчас...

На бледную кожу легла тёмно-зелёная травяная масса. Пальцы Силин Суфэна с силой надавливали на неё, выжимая сок, чтобы тот максимально глубоко проник в ткани.

Из-под пальцев выступили капли тёмной жидкости и начали медленно стекать под воротник.

Взгляд Силин Суфэна невольно последовал за ними. С его ракурса была видна изящная ложбинка позвоночника; капля густого сока скользнула по ней, оставляя на мертвенно-белой коже длинный след, прежде чем скрыться в складках одежды.

Глаза генерала опасно сузились. Одним движением пальца он подхватил потёк, возвращая его назад, и продолжил с истовым усердием втирать мазь.

Из-за этого прямого контакта с омегой дыхание альфы стало тяжёлым и глубоким. Взгляд его потемнел. Он убрал руку с талии юноши и крепко сжал его плечо, лишая возможности пошевелиться.

Высокий альфа буквально пригвоздил своего омегу к себе, склонившись над ним и с пугающей нежностью нанося лекарство.

Омега же послушно замер в его объятиях, подставив свою самую уязвимую часть под чужую волю.

На съёмочной площадке воцарилась тишина, нарушаемая лишь вязким звуком втираемой мази и прерывистым дыханием актёров.

Атмосфера была пропитана томительным ожиданием.

Камера продолжала медленно наезжать, запечатлевая каждую деталь. Благодаря мастерской работе со светом, эта сцена выглядела невероятно интимной и трепетной.

Весь персонал, затаив дыхание, наблюдал за происходящим.

«Неужели так можно было? — пронеслось в голове у многих. — Это же просто мазь!»

Сценарист Чэнь Сяньвэнь, не ожидавший такой глубины проработки деталей, буквально прилип к монитору.

Грубые частицы трав отлично уняли зуд, а тонкая прослойка пластыря уберегла чувствительную кожу от царапин.

От интенсивного втирания железа начала постепенно нагреваться, даря Инь Чжоу странное, но на редкость приятное ощущение.

Он мертвой хваткой вцепился в ткань рубашки под доспехами Гу Цинсю.

Из горла Ло Цяня вырвался тихий, сдавленный стон. Его плечи мерно вздымались в такт дыханию — то ли от боли, то ли от неожиданного наслаждения.

За окном беззвучно падал снег, и становилось всё холоднее.

Но здесь, внутри, обоим было жарко. И феромоны альфы невидимым коконом уже плотно окутали его омегу.

<http://bllate.org/book/15873/1500049>